

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ЛЕОНИДА ЛАЗАРЕНКО ПРОТИВ УКРАИНЫ

(Заявление № 22313/04)

РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

28 октября 2010

Это решение станет окончательным при условиях, изложенных в Статье 44 § 2 Конвенции. Оно может быть отредактировано.

По делу «Леонид Лазаренко против Украины»,
Европейский Суд по правам человека (Пятая секция), заседая
Палатой в составе:

Пеер Лоренсен, *председатель*,
Рената Яегер,
Карел Юнгвейрт,
Марк Виллинжер,
Мирьяна Лазарова Трайковска,
Здравка Калайджиева,
Анна Юдковская, *судьи*,
и Клаудия Вестердийк, *секретарь секции*,
Рассмотрев дело в закрытом заседании 5 октября 2010 года,
Провозглашает следующее решение

ПРОЦЕДУРА

1. Данное дело основано на заявлении (№ 22313/04) против Украины, поданном в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») украинским гражданином, г-ном Леонидом Леонидовичем Лазаренко (далее – «заявитель»), 5 июня 2004 г.

2. Заявителя, которому была оказана правовая помощь, представляла г-жа А. Муканова, адвокат, практикующий в Харькове. Украинское правительство (далее – «Правительство») представлял его уполномоченный г-н Ю. Зайцев.

3. Заявитель утверждал, в частности, что он был осужден в нарушение статьи 6 Конвенции, на основании признаний, якобы полученных от него путем принуждения и в отсутствие адвоката.

4. 12 мая 2009 года Суд принял решение уведомить о заявлении Правительство. Было также решено рассмотреть существо жалобы одновременно с рассмотрением его приемлемости (статья 29 § 1).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1968 году и в настоящее время отбывает пожизненное заключение в тюрьме № 52 г. Енакиево.

А. Последовательность событий, установленная национальными судами

6. В своем решении от 14 ноября 2002 Донецкий областной апелляционный суд (далее – «Донецкий суд») изложил фактические обстоятельства данного дела следующим образом. 22 декабря 2001 года заявитель и его знакомый, Г., остановили такси и попросили водителя, Л., отвезти их за город. По словам заявителя, они планировали ограбить водителя и угнать автомобиль. У заявителя был заранее подготовленный нож, спрятанный в рукаве, а у Г. была веревка. Как только автомобиль достиг леса, заявитель и Г. приказали водителю остановиться. Г. накинул веревку на шею водителя, в то время как заявитель угрожал ему ножом. Заявитель пересел на сиденье водителя, и они поехали дальше в лес, где выбросили Л., находившегося к тому времени без сознания, из автомобиля. Позже, в декабре 2001 года, труп Л. был найден в лесу с многочисленными ножевыми ранениями.

7. После безуспешных попыток заявителя и Г. продать автомобиль Л., он был обнаружен и изъят милицией 4 января 2002 года.

В. Арест заявителя и жестокое обращение с ним

8. Заявитель утверждал, что он был арестован 4 января 2002 года. Согласно протоколу задержания, он был арестован 5 января 2002 года по подозрению в убийстве Л., которое было классифицировано следователем как подпадающее под статью 115 § 1 Уголовного кодекса (умышленное убийство). В соответствии с протоколом ареста, заявитель заявил, что у него нет жалоб или просьб. В материалах дела также имеется отказ заявителя от юридической помощи от 5 января 2002 года.

9. 8 января 2002 года заявитель был осмотрен врачом, который выявил у него травму правого запястья. Заявитель пояснил, что он получил травму в результате падения во время его ареста.

10. Как подтверждает справка из городской больницы, 11 января 2002 года заявитель был доставлен туда милицией для обследования в связи с вышеупомянутой травмой. Рентген показал закрытый перелом кости правого запястья, и на запястье наложили гипс.

11. В период между 5 и 16 января 2002 года заявитель был переведен в Петровское районное отделение милиции Донецка (далее – «отделение милиции»), после чего его перевели в Донецкий СИЗО № 5 (далее – «СИЗО»). В течение этого периода, в отсутствие адвоката и якобы после избиений и угроз, заявитель подписал признание, которое было подтверждено в ходе последующей реконструкции событий. Он признался, что, действуя вместе с Г. по предварительному сговору, он ограбил и убил Л. Заявитель признал, в частности, что он один раз ударил Л. ножом. Позднее, по-видимому, после перевода в другое место содержания под стражей, заявитель отозвал свое признание в убийстве, заявив, что оно было сделано под давлением. Он, однако, продолжал признавать факт грабежа и угона автомобиля в течение всего разбирательства.

12. 16 января 2002 года заявитель написал записку следователю, в которой он заявил, что повредил запястье 3 января 2002 года, при случайном падении с лестницы. Он также писал, что у него нет жалоб на действия милиции.

13. В неустановленный день, после признания заявителя и реконструкции событий, ему был назначен адвокат.

14. 20 мая 2002 года Петровская районная прокуратура отклонила как необоснованную жалобу заявителя относительно предполагаемого жестокого обращения с ним со стороны милиции. Заявитель не оспаривал это решение. На какой-то стадии предварительного следствия обвинение против заявителя были переквалифицированы на умышленное убийство из корыстных побуждений, грабеж и угон автомобиля, совершенные организованной группой.

С. Судебное рассмотрение

15. 14 ноября 2002 года Донецкий суд, действующий в качестве суда первой инстанции, признал заявителя и Г. виновными в умышленном убийстве из корыстных побуждений, грабеже и угоне автомобиля, совершенных организованной группой, и приговорил каждого из них к пятнадцати годам лишения свободы с конфискацией всего личного имущества. Что касается вины заявителя, суд основывал свои выводы на признаниях, данных им на начальном этапе предварительного следствия, и показаниях, данных Г. во время предварительного следствия (хотя в суде тот отказался от этих показаний как от неправдивых), в соответствии с которыми заявитель ударил Л. ножом один раз, а также показаниях нескольких лиц, которым подсудимые

пытались продать автомобиль Л.. Суд рассмотрел утверждения заявителя о жестоком обращении и нашел, что это не более чем тактика защиты. Сотрудник милиции, ответственный за арест заявителя, дал показания в суде, и он отрицал, что применялось какое-либо принуждение. Суд отметил, что травма заявителя не может считаться доказательством жестокого обращения с ним во время нахождения под стражей, поскольку он дал несколько противоречивых объяснений относительно причин этой травмы.

16. Прокурор обжаловал вышеупомянутый приговор в части, касающейся заявителя, считая, что приговор был слишком мягким с учетом серьезности совершенных преступлений и в свете личности заявителя.

17. 3 апреля 2003 года Верховный суд удовлетворил эту апелляцию. Он отменил приговор от 14 ноября 2002 года в части, касающейся заявителя, и направил дело на новое рассмотрение в тот же суд.

18. 2 сентября 2003 года Донецкий суд вынес новый приговор с выводами о вине заявителя, идентичными сделанным ранее. Однако он изменил приговор на пожизненное заключение, ссылаясь на серьезность рассматриваемого преступления и личность заявителя, который совершил эти преступления примерно через два месяца после своего освобождения из тюрьмы с испытательным сроком. Суд посчитал отягчающим обстоятельством тот факт, что заявитель неоднократно совершал грабежи с применением насилия.

19. В неустановленный день адвокат, действовавшая от имени заявителя, подала апелляцию. Она заявила, в частности, что суд первой инстанции не изучил должным образом утверждения заявителя о жестоком обращении. 13 октября 2003 года заявитель также подал кассационную жалобу, в которой он заявил, что суд первой инстанции был неправ, опираясь на показания, полученные путем принуждения, а также на противоречивые показания Г. относительно него. Он отметил, что, как только он смог получить доступ к адвокату после его перевода из отделения милиции в СИЗО, он прекратил давать какие-либо показания и подписывать какие-либо документы. 19 января 2004 года заявитель подал дополнение к своей кассационной жалобе, в котором он утверждал, что ему не оказывалась правовая помощь на начальных этапах предварительного следствия, в нарушение статьи 45 Уголовно-процессуального кодекса, и просил суд не принимать его признание в качестве доказательства по делу. Копии кассационной жалобы заявителя и дополнения к ней были предоставлены Правительством Суду вместе с замечаниями Правительства относительно приемлемости и по существу жалобы.

20. 8 апреля 2004 года Верховный Суд оставил приговор в силе с незначительной поправкой, а именно: удалением упоминания о неоднократных грабежах, как отягчающем обстоятельстве, поскольку

это уже было включено в классификацию преступлений, в которых заявитель был признан виновным. Верховный Суд отметил, что выводы о виновности были «основаны на доказательствах, которые были получены в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, изучены в ходе слушаний и должным образом оценены судом». Кроме того, он не выявил «никаких признаков каких-либо грубых нарушений положений Уголовно-процессуального Кодекса в ходе расследования, или неправильного применения судом уголовного законодательства». Наконец, Верховный Суд отметил, что Донецкий суд справедливо отклонил как необоснованные утверждения заявителя о том, что он дал показания против себя под давлением.

D. ВИЧ-инфекция заявителя и связанные с этим факты

21. После осуждения заявитель был переведен в тюрьму № 52 г. Енакиево для отбывания наказания.

22. После жалоб на одышку и боли в горле, 11 февраля 2008 года, заявитель был доставлен в Донецкую областную больницу при тюрьме № 124 для медицинского обследования и лечения. Ему был поставлен диагноз хронический фарингит, дефицит железа, анемия и гипертония. Кроме того, заявитель оказался ВИЧ-позитивным и был зарегистрирован как бессимптомный носитель ВИЧ на первой клинической стадии заболевания в соответствии с классификацией ВОЗ.

23. В марте 2008 года, после того, как анализ крови подтвердил диагноз ВИЧ, врач, специализирующийся в области ВИЧ/СПИД, встретился с заявителем и объяснил ему, в частности, что его болезнь находится на такой ранней стадии, что никакая медицинская помощь не нужна, и что на более поздней стадии будет рассматриваться вопрос о антиретровирусной терапии.

24. Позже, в марте 2008 года, заявитель был переведен обратно в тюрьму № 52, где он продолжает отбывать наказание.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

НАЦИОНАЛЬНОЕ

A. Уголовный Кодекс (2001 года)

25. В соответствии с пунктом 1 статьи 115, умышленное убийство карается лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет. В соответствии с пунктом 2 статьи 115, умышленное убийство из корыстных побуждений и/или совершенное группой лиц по

предварительному сговору, карается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет или пожизненным заключением.

26. В соответствии со статьей 187, совершение грабежа группой лиц по предварительному сговору, или лицом, ранее совершившим грабеж, карается лишением свободы на срок от семи до десяти лет с конфискацией имущества (пункт 2); наказание увеличивается до лишения свободы на пятнадцать лет в случае присвоения большого количества имущества, либо совершения преступления организованной группой, либо в сочетании с причинением тяжких телесных повреждений (пункт 4).

27. В соответствии с пунктом 3 статьи 289, угон автомобиля в сочетании с насилием, опасным для жизни или здоровья жертвы, либо под угрозой применения такого насилия, либо совершенный организованной группой, если стоимость транспортного средства, превышает двести пятьдесят минимальных необлагаемых доходов, карается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

28. В соответствии с пунктом 1 статьи 64, пожизненное тюремное заключение предусмотрено в качестве наказания за особо тяжкие преступления и применяется только в случаях, явно предусмотренных Уголовным кодексом, если суд не считает целесообразным назначить фиксированный срок лишения свободы. Пункт 2 настоящей статьи освобождает от пожизненного лишения свободы некоторые категории лиц (беременных женщин, несовершеннолетних и пожилых людей).

29. В соответствии со статьей 70, суммарное наказание за несколько уголовных преступлений устанавливается путем поглощения наиболее строгим наказанием менее строгих.

В. Уголовно-процессуальный Кодекс (1960 года)

30. Статья 45 предусматривает, что юридическое представительство в ходе дознания, досудебного следствия и рассмотрения в суде первой инстанции является обязательным, если, в частности, возможно наказание в виде пожизненного заключения. Кроме того, она указывает, что в этом случае правовая помощь должна предоставляться с момента ареста или предъявления обвинения.

31. В соответствии со статьей 46 подозреваемый, обвиняемый или подсудимый может отказаться от предложенного или назначенного адвоката на любой стадии разбирательства. Такой отказ возможен только по инициативе подозреваемого, обвиняемого или подсудимого и не исключает назначения того же или другого адвоката на последующих этапах разбирательства (пункт 1). Однако отказ от адвоката в случаях, предусмотренных статьей 45, должен быть основан на мотивах, признанных удовлетворительными дознавателем,

следователем или судом (пункт 3). При принятии отказа подозреваемый, обвиняемый или подсудимый имеет до трех дней, чтобы заменить адвоката (пункт 4). Если он/она не сделает этого в установленный срок и если его/ее юридическое представительство является обязательным в соответствии со статьей 45 Кодекса, юридический представитель должен быть назначен дознавателем, следователем или судьей, в зависимости от стадии разбирательства (пункт 5).

32. В соответствии со статьей 103 дознание включает в себя оперативные и следственные мероприятия, направленные на установление фактов преступления и подозреваемых в совершении преступления.

33. В соответствии с пунктом 1 статьи 370 существенными нарушениями требований уголовно-процессуального законодательства считаются действия, которые препятствуют или могут препятствовать полному и тщательному изучению дела судом и вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора. В пункте 2 настоящей статьи нарушение права обвиняемого на защиту упоминается как одно из существенных нарушений требований уголовно-процессуального законодательства, которое служит основанием для отмены приговора в любом случае (то есть, независимо от того, были ли выполнены требования пункта 1).

34. Статья 390 гласит, что лицо, подавшее кассационную жалобу, имеет право дополнить, изменить или отозвать ее до начала рассмотрения дела в кассационном суде.

35. Положения, касающиеся обязательств относительно возбуждения уголовного дела и расследования преступлений, можно найти в решении от 27 ноября 2008 года по делу *Spinov v. Ukraine* (№ 34331/03, §§ 32-33), а положения, касающиеся судебного обжалования решения органа дознания, следователя или прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела – в решении от 25 октября 2007 года по делу *Yakovenko v. Ukraine* (№ 15825/06, §§ 46-47).

С. Другие документы

36. Правила оказания медицинской и санитарной помощи в следственных изоляторах и исправительных учреждениях, утвержденные приказом № 3/6 от 18 января 2000 года Государственного департамента по вопросам исполнения наказаний, предусматривают, что медицинская помощь ВИЧ-инфицированным лицам должна предоставляться на той же основе, что и всем остальным (пункт 4.3.4). Приказ также содержит рекомендации по консультированию до и после тестирования на ВИЧ, в соответствии с которым оно должно быть доступным, информативным и

поддерживающим (приложение 28 к пункту 4.3.4). Пункт 6.1.9 этого приказа предусматривает проведение ежегодных профилактических медицинских осмотров задержанных лиц, с участием психотерапевта, психиатра и стоматолога, а также, при необходимости, врачей других специальностей, возможно, не работающих в пенитенциарном учреждении.

37. Соответствующие положения приказа № 186/607 от 15 ноября 2005 года Министерства здравоохранения и Государственного департамента по вопросам исполнения наказаний об антиретровирусной терапии лиц с ВИЧ/СПИД, находящихся в заключении в тюрьмах и СИЗО, приведены в деле *Yakovenko* (упомянутое выше, §§ 49-52).

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

38. Соответствующие международные документы, касающиеся доступа к адвокату во время задержания, упомянуты в решениях по делам *Salduz v. Turkey* [GC], no. 36391/02, §§ 37-38, 41 and 44, 27 November 2008, и *Panovits v. Cyprus*, no. 4268/04, § 45, 11 December 2008).

ПРАВО

I. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 §§ 1 И 3 КОНВЕНЦИИ

39. Заявитель жаловался, ссылаясь на статью 6 Конвенции, что он был осужден за убийство на основе признательных показаний, полученных под принуждением и в отсутствие адвоката. Эта жалоба должна быть рассмотрена в соответствии со статьей 6 §§ 1 и 3(с), которая гласит:

«1. Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство... судом...

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет, как минимум, следующие права:

...

(с) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия».

А. Приемлемость

40. По мнению Правительства, заявитель не исчерпал национальные средства правовой защиты. Они утверждали, в частности, что он не стал подавать отдельную жалобу против следователя в связи с заявленным нарушением его права на защиту и не поднимал этот вопрос в рамках судебного разбирательства своего дела. В отношении нарушения права заявителя не свидетельствовать против самого себя Правительство утверждало, что он мог бы ходатайствовать о возбуждении уголовного дела, оспорив в суде решение Петровской районной прокуратуры от 20 мая 2002 года об отказе в проведении такого расследования.

41. Заявитель не согласился. Он утверждал, что он жаловался в ходе судебного рассмотрения на различные грубые нарушения уголовно-процессуального законодательства, совершенные во время досудебного следствия по его делу, в том числе на нарушение его права на защиту и его права не свидетельствовать против самого себя.

42. Как явствует из материалов дела, имеющихся в распоряжении Суда, заявитель явно жаловался на нарушение его права на защиту в дополнении к своей кассационной жалобе в Верховный Суд (см. пункт 19 выше). Исходя из даты этого дополнения, Суд отмечает, что оно было подано своевременно (законные основания см. в пункте 34 выше). Суд придает большое значение тому факту, что он получил копию этого документа от Правительства, которое не отметило никаких процессуальных нарушений в этой связи (см. пункт 19 выше). Таким образом, Суд делает вывод, во-первых, что заявитель подал его в Верховный суд, и, во-вторых, что необходимые формальности были соблюдены.

43. Что касается жалобы заявителя о нарушении его права не свидетельствовать против самого себя, Суд отмечает, что он и его адвокат поднимали этот вопрос в кассационной жалобе, что не оспаривается Правительством.

44. Суд уже постановил, что подача кассационной жалобы в Верховный суд в Украине считается эффективным средством правовой защиты для жалоб, касающихся различных аспектов справедливости уголовного разбирательства, гарантированной статьей 6 §§ 1 и 3 Конвенции (см., например, *Arhipov v. Ukraine* (dec.), no. 25660/02, 18 May 2004; *Oleg Kolesnik v. Ukraine*, no. 17551/02, § 28, 19 November 2009). Таким образом, Суд отмечает, что, подав в Верховный Суд жалобу в отношении своего права на защиту и своего права не свидетельствовать против самого себя, заявитель исчерпал одно из средств правовой защиты, на которые ссылается Правительство (см., напротив, *Melnik v. Ukraine*, no. 72286/01, §§ 82-83, 28 March 2006). Исходя из этого, Суд не считает необходимым

анализировать, отвечают ли другие средства, предложенные Правительством, критериям эффективности национальных средств правовой защиты, поскольку в любом случае, при наличии нескольких средств правовой защиты, заявитель не обязан использовать более одного из них (см. *Karakó v. Hungary*, no. 39311/05, § 14, 28 April 2009, with further references).

45. В свете вышеизложенных соображений, Суд отклоняет возражения Правительства о неисчерпании национальных средств правовой защиты. Кроме того, Суд отмечает, что жалоба заявителя в соответствии со статьей 6 §§ 1 и 3(с) Конвенции не является ни явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции, ни неприемлемой по любым другим основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

1. Аргументы сторон

46. Заявитель утверждал, что, хотя серьезность выдвинутых против него обвинений требовала обязательного юридического представительства сразу же после его ареста, следователь обошел эти правовые требования, искусственно смягчив обвинение с целью получения признания. Заявитель также утверждал, что суд слишком формально и попустительски отнесся к такой практике. Он настаивал на том, что имел место факт принуждения со стороны милиции, который, по его мнению, не был должным образом исследован судами в ходе судебного разбирательства по его делу. Заявитель утверждал, что суд первой инстанции ограничился допросом сотрудника милиции, который отрицал какое-либо принуждение. Суд также опирался на отказ прокуратуры в возбуждении уголовного дела в этой связи и не проверил тщательность расследования и точность его выводов. Что касается значения признания, сделанного заявителем в начале его содержания под стражей, он настаивал, что это признание было основой его осуждения, причем единственными дополнительными доказательствами были противоречивые показания его сообвиняемого при отсутствии каких-либо прямых свидетелей и вещественных доказательств.

47. Правительство ограничило свои аргументы по существу дела, прокомментировав жалобы заявителя о нарушении его права не свидетельствовать против самого себя. Правительство утверждало, что он не подал обоснованную жалобу в этой связи и делал противоречивые заявления, касающиеся обстоятельств, при которых он получил травму запястья. Кроме того, Правительство заявило, что признание заявителя не было решающим для его осуждения, которое

также основывалось на показаниях его сообвиняемого и ряда свидетелей, а также результатах судебно-медицинской экспертизы. Наконец, Правительство подчеркнуло, что судебный процесс заявителя был состязательным, что дало ему возможность выдвигать любые аргументы, которые он считал нужными, а также оспаривать любые доказательства.

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы

48. Суд повторяет, что требования пункта 3 статьи 6 следует рассматривать как конкретные аспекты права на справедливое судебное разбирательство, гарантированного пунктом 1 этой статьи, и, таким образом, они должны рассматриваться в комплексе (см. *Van Geyselghem v. Belgium* [GC], no. 26103/95, § 27, ECHR 1999-I). В целом, Суд призван изучить вопрос, было ли разбирательство в целом справедливым (см. *Balliu v. Albania*, no. 74727/01, § 25, 16 June 2005).

49. Суд отмечает, что, хотя и не абсолютное, право каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления на эффективную помощь адвоката, назначенного, в случае необходимости, официально, является одним из основных свойств справедливого судебного разбирательства (см. *Krombach v. France*, no. 29731/96, § 89, ECHR 2001-II). Как правило, доступ к адвокату должен предоставляться, начиная с первого допроса подозреваемого полицией, если в свете конкретных обстоятельств конкретного дела не доказано, что существуют веские причины для ограничения этого права (см. *Salduz*, упомянутое выше, § 55). Праву на защиту, в принципе, безусловно, наносится ущерб, когда компрометирующие заявления, сделанные во время полицейского допроса в отсутствие адвоката, используются как основание для осуждения (там же).

50. Суд рассматривает ранний доступ к адвокату как процессуальную гарантию права не свидетельствовать против себя и фундаментальную гарантию против жестокого обращения, отмечая особую уязвимость обвиняемого на ранней стадии разбирательства, когда он сталкивается со стрессовой ситуацией и сложностями уголовного законодательства. Любое исключение из этого права должно быть строго обусловлено, а его применение должно быть строго ограничено во времени. Эти принципы особо касаются серьезных обвинений, поскольку перед лицом самого сурового наказания соблюдение права на справедливое судебное разбирательство должно быть обеспечено в демократическом обществе в максимально возможной степени (см. *Salduz*, упомянутое выше, § 54).

51. Вышеупомянутые принципы права на защиту и права не свидетельствовать против себя соответствуют общепризнанным международным стандартам прав человека (см. пункт 38 выше), которые лежат в основе концепции справедливого судебного разбирательства и целью которых, в частности, является защита обвиняемых от незаконного принуждения со стороны властей. Они также способствуют предотвращению судебных ошибок и достижению целей статьи 6, в частности, равенства между органами расследования или обвинения и обвиняемыми (см. *Salduz*, упомянутое выше, § 53, *Bykov v. Russia* [GC], no. 4378/02, § 92, ECHR 2009-..., с дальнейшими ссылками, и *Pishchalnikov v. Russia*, no. 7025/04, § 68, 24 September 2009). Право не свидетельствовать против самого себя, в частности, предполагает, что органы обвинения в уголовном деле стремятся доказать свою правоту в отношении обвиняемого, не прибегая к доказательствам, полученным с помощью принуждения или давления против воли обвиняемого (см. *Jalloh v. Germany* [GC], no. 54810/00, § 100, ECHR 2006-IX, с дальнейшими ссылками).

52. Наконец, Суд повторяет, что отказ от прав, гарантированных Конвенцией – в той мере, в какой это допустимо – не должен противоречить каким-либо важным общественным интересам, должен быть выражен в недвусмысленной форме, и должен сопровождаться минимальными гарантиями, соразмерными с важностью отказа (см. *Sejdovic v. Italy* [GC], no. 56581/00, § 86, ECHR 2006-II).

(b) Применение вышеизложенных принципов в данном деле

53. Суд отмечает, что на момент ареста заявителя украинское законодательство предусматривало обязательное юридическое представительство уже на стадии дознания, а именно с момента ареста, если, в частности, возможным наказанием за преступление, в котором подозревалось лицо, было пожизненное заключение (см. пункт 30 выше). Учитывая то, что заявитель был в конечном итоге приговорен к пожизненному заключению, Суд рассмотрит вопрос, было ли упомянутое правило применимо к ситуации заявителя, и если да, то когда.

54. Суд отмечает, что заявитель был арестован и допрашивался в качестве подозреваемого в умышленном убийстве без отягчающих обстоятельств, которое карается фиксированным сроком лишения свободы (см. пункт 8 выше). Принимая во внимание обстоятельства данного дела, а именно обнаружение трупа жертвы и его угнанного автомобиля до ареста заявителя (см. пункты 6-7 выше), Суд считает, что на момент ареста следователь имел все основания подозревать заявителя в умышленном убийстве из корыстных побуждений, караемом либо фиксированным сроком лишения свободы, либо пожизненным тюремным заключением, и, таким образом, требующем

обязательного юридического представительства. Соответственно, Суд не исключает, что, как утверждает заявитель, выдвинутые против него обвинения были искусственно смягчены на данном этапе с целью обойти правило относительно обязательной правовой защиты. Суд также учитывает специфику вышеупомянутых оснований для обязательного юридического представительства, которыми заявитель вряд ли мог воспользоваться, поскольку любое устроение обвинения против него явно противоречило его интересам. Это обстоятельство демонстрирует уязвимость позиции заявителя и его реальную потребность в правовой помощи, в которой ему было фактически отказано из-за того, как следователь использовал свои дискреционные полномочия при классификации расследуемого преступления (см. и ср. с *Yaremenko v. Ukraine*, no. 32092/02, § 88, 12 June 2008).

55. В отношении вопроса, когда заявителю должна была быть предоставлена возможность юридического представительства в соответствии с украинским законодательством, Суд отмечает, что, согласно Уголовно-процессуальному кодексу (далее – «УПК»), «дознание» является широко истолковываемым термином, охватывающим любые «оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление фактов преступления и подозреваемых» (см. пункт 32 выше). Кроме того, согласно статье 45 УПК такое юридическое представительство должно было быть предоставлено заявителю сразу же после его ареста и в любом случае до его первого допроса в милиции.

56. Суд далее отмечает, что в имеющихся в его распоряжении материалах дела содержится отказ заявителя от юридической помощи от 5 января 2002 года (см. пункт 8 выше). Суд отмечает, что, с учетом классификации следователем уголовного преступления, инкриминируемого заявителю на этом раннем этапе расследования, заявитель отказался от юридической помощи, не понимая всей серьезности возможного наказания. Таким образом, нельзя считать, что этот отказ сопровождался минимальными гарантиями, соответствующими его значимости. Кроме того, оказалось, что он противоречит украинскому законодательству, которое разрешает, в подобной ситуации, только отказ от конкретного адвоката, причем он должен быть заменен другим адвокатом, но не отказ от правовой помощи в целом (см. пункт 31 выше).

57. По фактам дела, Суд отмечает, что заявитель признался в убийстве Л. в ходе допроса и реконструкции преступления, проведенных в течение нескольких дней после его ареста в отсутствие адвоката. Хотя позже заявитель отказался от этого признания, суды первой инстанции опирались на него в качестве основания для установления его вины. Следует подчеркнуть, что степень, в которой начальное признание заявителя повлияло на его осуждение, не имеет

никакого значения. Нанесение ущерба праву заявителя на защиту устанавливается, если признание как-либо повлияло на осуждение. Не будучи единственным основанием для осуждения заявителя в данном случае, оспариваемое признание, несомненно, повлияло на осуждение, так как на него опирался суд. В обязанности Суда не входят рассуждения о том, какова бы была реакция заявителя или советы его адвоката, если бы он имел доступ к адвокату на начальной стадии разбирательства. Суд считает, что, учитывая обстоятельства, гарантии, предусмотренные национальным законодательством, и гарантии справедливости, закрепленные в статье 6 Конвенции, требовали, чтобы заявитель мог воспользоваться помощью адвоката, начиная с самого первого допроса. Этого не произошло. Кроме того, начальное ограничение права заявителя на защиту, хотя оно и упоминалось в кассационной жалобе заявителя в Верховный Суд (см. пункт 19 выше) и являлось, в соответствии с внутренним уголовно-процессуальным законодательством, грубым нарушением, могущим привести к отмене приговора (см. пункт 33 выше), было проигнорировано национальными судами. Этот недостаток нельзя было устранить последующим предоставлением правовой помощи заявителю или состязательным характером последующего разбирательства (см. *Salduz*, упомянутое выше, § 58, и *Plonka v. Poland*, no. 20310/02, §§ 39-41, 31 March 2009).

58. В отношении заявленного принуждения заявителя к самооговору, Суд отмечает, что национальные суды отклонили это обвинение как необоснованное. Суд имеет ни обязанности, ни возможности прийти к другим выводам. В то же время он отмечает, что лишение заявителя правовой помощи и использование компрометирующих показаний, сделанных им в этот период и повлиявших на его осуждение, являются достаточными признаками нарушения гарантий справедливого судебного разбирательства (см. *Magee v. the United Kingdom*, no. 28135/95, § 45, ECHR 2000-VI).

59. Отсюда следует, что в данном случае имело место нарушение статьи 6 § 1 в сочетании со статьей 6 § 3 (с) Конвенции.

II. ДРУГИЕ ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

60. Заявитель жаловался в соответствии со статьей 3 Конвенции, что он подвергся пыткам в отделении милиции. Он также жаловался, ссылаясь на статью 4 Протокола № 7, что его приговор был изменен с пятнадцати лет на пожизненное заключение на основании отягчающих обстоятельств (повторное преступление, разбой), которые были исключены из приговора. Наконец, заявитель жаловался, не ссылаясь на какие-либо положения Конвенции, на отсутствие информации и медицинской помощи в связи с его ВИЧ-инфекцией.

61. Принимая во внимание все имеющиеся в его распоряжении материалы, Суд не видит признаков нарушения прав и свобод, изложенных в Конвенции или Протоколах к ней. Отсюда следует, что эта часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная в соответствии со статьей 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

62. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Вред

63. Заявитель потребовал выплатить ему 50000 евро в качестве компенсации нематериального ущерба.

64. Правительство оспорило эти требования.

65. Суд отмечает, что, когда лицо, как и в данном случае, было осуждено судом в разбирательстве, которое не соответствовало требованиям справедливости, изложенным в Конвенции, повторное судебное разбирательство, возобновление или пересмотр дела, при необходимости, представляет собой, в принципе, подходящий способ устранения нарушения (см., например, *Lutsenko v. Ukraine*, по. 30663/04, § 60, 18 December 2008 и *Shabelnik*, упомянутое выше, § 64). Поэтому Суд считает, что признание нарушения само по себе является достаточным справедливым возмещением.

B. Расходы и издержки

66. Заявитель не выдвинул требований о возмещении ему расходов и издержек. Соответственно, Суд не принял никакого решения по этому поводу.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Признает* жалобу по статье 6 §§ 1 и 3 Конвенции приемлемой, а остальную часть жалобы – неприемлемой;

2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 6 §§ 1 и 3 Конвенции;
3. *Постановляет*, что установление факта нарушения является достаточным возмещением любого нематериального ущерба, нанесенного заявителю, и, соответственно, отклоняет требования заявителя о компенсации.

Составлено на английском языке и зарегистрировано в письменном виде 28 октября 2010 года, в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Клаудия Вестердийк
Секретарь

Пеер Лоренсен
Председатель